

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ЭВАКУАЦИЯ СКОТА – КАК ЭТО БЫЛО

Никитин В. Ф.

ФГБНУ «Всероссийский НИИ фундаментальной и прикладной паразитологии животных и растений им. К.И. Скрябина»

Первые месяцы Великой Отечественной войны для народа ввиду ее внезапности были, пожалуй, самыми тревожными - страх, возмущение, ненависть к агрессору и необходимость переориентировки бытового жизненного и общественного уклада свалились вдруг на его голову.

22 июня 1941 года застало меня, подростка, у отары на пастбище. День был пасмурным, по небу медленно плыли серые тучи, временами моросил дождь. Было какое-то, как бы предгрозовое, и в тоже время, неопределенное состояние с предчувствием беды.

В 11-ом часу дня тишина вдруг нарушилась криками и плачем женщин в деревне. Они узнали, что фашистская Германия напала на нашу страну - началась война. Народ собирался на площади на митинг. Объявили мобилизацию. Мужчины выстроились в очередь для записи в армию. По радио передавали выступление В.М. Молотова, заканчивающееся ободряюще: «Наше дело правое, враг будет разбит».

Началась другая жизнь, по правилам военного времени - «Все для фронта, все для победы над врагом». Все ждали успехов армии, отпора, победных сообщений. Однако каждый день приходили неутешительные вести - наша армия отступала с боями, фашистские войска занимали одни за другим города и деревни.

Во второй половине июля на Восток по маршруту на г. Орел через деревню стали проезжать воинские части, гражданские повозки, тракторы. Гнали гурты скота, отары овец. Мужчин в деревне становилось все меньше и меньше, мобилизация стала тотальной. В лес, под секретом, обычно ночью, отвозили горячее и продовольствие, организовывался партизанский отряд.

2-го августа к вечеру заведующий колхозным животноводством предупредил меня, что я зачислен в бригаду по эвакуации скота и должен собраться, уложить пару белья, подготовить сапоги, одежду и другие личные вещи, отару пасти близ деревни.

Правлением колхоза была сформирована бригада из семи человек: четырех мужчин и трех подростков 13-15-ти лет. Среди них зав. животноводством, ветфельдшер лет 40-ка инвалид с детства - руководитель, двое мужчин 58-ми и 63-х лет, причем первый инвалид первой мировой войны (с хромотой) и мужчина 35-ти лет, перенесший операцию по поводу язвы желудка, с еще не зажившей раной.

Эвакуации подлежало свыше 80 голов крупного рогатого скота и около 400 овец. Нам выделили три подводы (лошади и телеги) и одну лошадь под

верх с седлом. Последнюю, вскоре, отдали в военную часть. На третий день августа было приказано: скот пасти до 12 часов, а после доения, начать эвакуацию.

Надо сказать, что подготовка проводилась организованно по указанию районных властей с соблюдением секретности, без паники. Колхозники, конечно, кроме членов правления, об эвакуации узнали в массе лишь после выгона скота за околицу на шоссе на дорогу. Провожали в основном женщины и дети, многие плакали - поняли, что предстоит скорая оккупация фашистскими войсками. Все переживали, пришло великое горе.

Наш маршрут от д. Кокино Комаричского района пролегал на Дмитровск-Орловский, Кромы, Змиевку, Ливны, Елец в конечный пункт Задонск (ныне Липецкой области). В последнем был сортировочный пункт, где определялось дальнейшее направление гуртов в восточные области.

Трасса прогона, как и другие, была перегружена. По ней следовали гурты многих хозяйств из других районов. Нас сопровождали и периодически посещали гл. ветеринарный врач района и представители РайЗО (районный земельный отдел), которые эвакуировались со своими семьями и следовали на отдельных подводах.

В процессе перегона было немало проблем ветеринарно-зоотехнического порядка и по сохранению поголовья, в том числе от бомбежек путем рассредоточения и маскировки.

В первые дни коровы вырывались из стада, пытаясь вернуться, в воздухе стоял рев, блеяние овец. У коров распирало вымя от скопившегося молока, мужчины не успевали сдаивать, нас торопили следующие позади гурты и график движения. В дальнейшем животные привыкли, и гурт сравнительно спокойно брел за подводами, а мы, трое подростков с кнутами шли по сторонам и сзади.

Вскоре встала другая, ветеринарная проблема: у животных начали появляться повреждения копыт, хромота, заболевания глаз и другие.

С середины августа все чаще стали пролетать и кружить над гуртами немецкие самолеты, нередко бомбить или сбрасывать бочки. Животные при их появлении вели себя беспокойно, разбежались. По сторонам от трассы можно было часто видеть бесхозных животных. Фашисты всячески пытались навести панику, препятствовать эвакуации. Сбрасываемые бочки пронзительно визжали при полете и падении, и животные, особенно коровы, испуганно разбежались в разные стороны. Была очевидна цель фашистов – всячески препятствовать угону скота от наступающей армии путём запугивания бомбежками и разбрасыванием листовок с различными посулами по трассам. Войска надо было обеспечивать продовольствием, продуктами. Но нередко были бомбежки на поражение. При этом особенно опасными в отношении налетов оказывались места скопления стад – у переездов, перегонов через речки и т.п. Мы были свидетелями, когда немецкий «стервятник» (так называли их тогда) бомбил гурт следовавшего впереди нас на дистанции всего метров на 300, непосредственно у железнодорожного переезда станции Змиевки. Сразу после бомбежки нам

неизбежно следовало перегонять свой гурт. На узком переезде из траншеи выбежал довольно пожилой мужчина, который живо махал желтым флажком и кричал: «Гоните быстрее, быстрее, скоро прилетит сволочь». Его голос заглушал другой, женский, истошный: "Васька, Васька, где ты?" Когда я поравнялся с регулировщиком, машинально спросил: «Дядя, почему она так кричит?» - «Его уже нет, вон дымится воронка», скороговоркой ответил тот и снова стал торопить прогон. По сторонам дороги в рассыпную бродил скот, курилось несколько воронок от разрывов бомб. В дальнейшем по трассе следования не однажды видели следы бомбежек и трупы животных на обочинах. Все чаще жужжали немецкие самолеты. Но нас это не пугало. Вспоминаю тогдашнее состояние: перегруженность трасс (стада, повозки, тракторы, машины, пешие) в едином порыве двигались на восток, от линии фронта. В местах остановок (обычно в перелесках, садах) к нашему расположению с костром для готовки пищи и обогрева подходили коллеги-гуртоправы, пастухи и другие отступающие. В разговорах не было уныния – удивительный патриотизм и уверенность – мы победим, вернемся. Просто выполняем свою и государственную работу, делаем дело. Вскоре получили сведения об оккупации немцами Орла.

Теперь усложнились задачи выбора места для выпаса и поения скота, лавирования и расположения отдыха в скрытой местности (в садах, перелесках) от возможных бомбежек. Никто не требовал и не запрещал, где конкретно сделать стоянку и накормить скот, но было видно, что гуртоправы в основном не допускали потраву, скажем, посевов или сложенных в скирды скошенных хлебов.

В сентябре начались заморозки дожди, порой со снегом. Животные стали терять упитанность, после отдыха, стоянок залеживались, слабым, по возможности, растирали мышцы конечностей, обрабатывали раны. Больных с неблагоприятным прогнозом обычно сдавали воинским частям под расписку.

Сопровождающие гурт пастухи также страдали при постоянном нахождении под открытым небом от холода и дождей, а также, вследствие слабого внимания к собственному туалету, от педикулеза и простуды. Не было палаток, брезента, грелись у костров лишь в дневное время. Ночевали под телегами.

В начале октября в гурте появились больные ящуром. Мы остановились в небольшом леске под г. Ельцом. Дальнейшее следование стало невозможным. От ветеринарной службы и руководителей эвакуации поступил приказ - сдать скот для убоя на Елецкий мясокомбинат, что и было выполнено. На этом закончилась наша миссия по эвакуации общественного скота от фашистских захватчиков, мы были довольны.

Город Елец жил тревожной жизнью, подвергался бомбежкам, было много военных, готовились к обороне, строили укрепления и позиции.

Теперь перед нами встали личные проблемы. Мужчин до 60-летнего возраста мобилизовали в армию. Один из них, Ковалев С., в марте 43 года пал в бою при освобождении от оккупантов своего района в 35 км от родной

деревни. Другой - Никитин Ф. служил в нестроевых частях армии, демобилизован в 1946 году и продолжил работу по восстановлению колхоза. Остальные члены бригады вскоре под Ельцом попали в оккупацию, вернулись на родину и занимались сельским хозяйством, содействуя обеспечению продуктами многочисленные осиротевшие семьи и отряды развернувшегося партизанского движения, а после освобождения – в начале сентября 1943 года – становлению животноводства и растениеводства, выполняли заготовки продукции для государства, армии, для полной победы над врагом.

Заслуженный деятель науки РФ, профессор,
доктор ветеринарных наук, ветеран ВОВ В.Ф. Никитин

